

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

УДК 330.101

JEL: B14, B15, B24, B41, D 46

К. МАРКС: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ КЛАССОВОГО И ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОДХОДОВ¹

Е. П. Дятел

Статья посвящена 150-летию выхода в свет 1-го тома «Капитала» К. Маркса. Рассматриваются методология и основные теоретические положения данного произведения. Показана возможность построения непротиворечивой системы экономических категорий на основе восхождения от абстрактного к конкретному. Сравниваются два способа определения меры стоимости: на основе «всеобщей потребительной стоимости» денег и простого среднего труда. Указанные материальные объекты являются носителями экономической информации об организации общественного производства и обмена. Поставлен вопрос о методологических границах использования (верификации и фальсификации) базовых положений экономической теории марксизма: товар рабочая сила; постоянный и переменный капитал; органическое строение капитала; простое и расширенное воспроизводство общественного капитала. Подтверждена их применимость исключительно в рамках постулатов о чистом капитализме и заданных априори пропорций общественного производства. Показана необходимость в альтернативном объяснении экономической жизни общества с учетом перехода к постиндустриальному обществу (обществу услуг); отказа от преимущественно ресурсного (затратного) подхода и перехода к капитализации хозяйственных активов как элементов товарного богатства, приносящих дополнительный доход в результате их альтернативного использования. Альтернативы есть у потребителя, производителя и владельца торгуемой на рынке рабочей силы. Определены в качестве перспективных направления дальнейшего исследования: в рамках неинституционального подхода; инфрамаржинальной экономики, сконцентрированной на анализе разделения труда как структурообразующего фактора хозяйственной жизни общества; концепций неоиндустриальной революции, включая неоиндустриальную теорию самообслуживания.

Ключевые слова: восхождение от абстрактного к конкретному; классовый и воспроизводственный подходы; экономические структуры; ресурсы; активы; неоиндустриальная теория самообслуживания

Сегодня далеко не все исследователи считают философское и экономическое учение К. Маркса передним краем науки. Вместе с тем многие российские ученые и преподаватели опираются на теоретические положения марксизма как фундамент формирования экономического мировоззрения и обоснование путей дальнейшего исследования с позиций классового и воспроизводственного подходов².

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые из таких положений и высказывается мнение об их эпистемологическом и эвристическом значении.

1. Методологические предпосылки исследования К. Маркса: материалистическое понимание истории; восхождение от абстрактного к конкретному; количественный анализ; символическая (математическая) логика

Начнем с тех положений, которые К. Маркс творчески заимствовал у своих, иногда далеких, предшественников и впоследствии переработал, создавая основу нового мировоззрения. В качестве важнейших результатов могут быть названы материалистическое объяснение действительности и материалистическое понимание истории.

¹ © Дятел Е. П. Текст. 2018.

² Разумеется, круг современных марксистов не ограничивается российскими учеными и преподавателями. Классовому анализу современного общества посвящены работы аналитических марксистов [15]. Воспроизводственный подход переосмыслен в работе неорикарданца П. Сраффа [18] и его последователей. Существенный вклад в развитие «марксистской экономики», по мнению научного сообщества, был сделан японскими экономистами-математиками [27, 28, 29], а также исследователями из других стран (напр. [30]).

Полезность вообще	Потребительная стоимость	Меновая стоимость	Общественная потребительная стоимость (товар)
			Овеществленный труд
Труд вообще	Конкретный труд	Абстрактный труд (общественный характер труда)	Общественно необходимый (частный) труд
Простой средний труд			
Простая, или случайная, форма стоимости	Полная форма стоимости	Всеобщая форма стоимости	Денежная форма
			Товарный фетишизм
Планомерная форма хозяйства	Натуральная форма хозяйства	Товарная форма хозяйства	«Объективные мыслительные формы», характерные для данной социально-экономической формации

Рис. 1. Система экономических категорий «политической экономии товарного производства» (закавыченное выражение принадлежит Ф. Энгельсу [11, т. 20, с. 320])

Потребность	Благо	Экономическая потребность	Экономическое благо
			Экономический принцип
Выбор	Ограниченность ресурсов	Альтернативное использование ресурсов (экономический выбор)	Реальный доход (чистая выгода)

Рис. 2. Базовые понятия экономической теории

Восприятие и применение этих важнейших методологических принципов — не самая простая задача. По афористичному выражению В. И. Ленина, «никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя» [9, с. 162]. Это связано с тем, что нельзя «вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля» [там же]. Чтобы облегчить эту задачу, попробуем наметить взаимосвязи между аристотелевской и гегелевской логикой с понятийной системой «Капитала».

В своих «Аналитиках» Аристотель обосновывал развитие любой вещи и отображающего ее понятия как диалектику формы и содержания (материи). Материю Аристотель рассматривал как первооснову, которая подвергается последующему формообразованию. В соответствии с логикой Аристотеля, которая была и остается исходным пунктом научного мышления, формирование элементарного понятия осуществляется следующим образом: (1) выявляется родовый признак изучаемого явления, (2) определяется его объективная основа («материя»), (3) характеризуется его эмпирически воспринимаемая форма, (4) устанавливается состояние исследуемого объекта, которое выражает взаимопереход формы и материи.

Вторым великим предшественником марксизма был Г. В. Ф. Гегель, выразивший структуру исторического процесса через катего-

рии: бытие — сущность — явление — действительность. Если мы соединим оба подхода, то получим системно-структурную логическую схему первой главы первого тома «Капитала» («Товар») (рис. 1)¹.

Подобная систематизация понятий полезна при изучении не только «Капитала», но и экономической теории вообще, включая неоклассику (см. рис. 2)².

¹ Развертывание категорий соответствует: по горизонтальным строкам — требованиям аристотелевской логики; по вертикальным столбцам — гегелевскому принципу совпадения логического и исторического; переход от одного уровня к другому осуществляется при помощи «конструктов» — логических понятий, соединяющих бытие и сущность, сущность и явление, явление и действительность.

² Подавляющее большинство современных учебников экономической теории написано с последовательно позитивистских и ординалистских позиций. Их авторы не выделяют гегелевские (равным образом марксистские) уровни восхождения от абстрактного к конкретному. В результате потребность, благо и другие понятия «бытия» вводятся де факто, нередко с произвольными формулировками. Элементы анализа начинаются с сущностных категорий: выбор, ограниченность ресурсов и др. Мы сочли возможным разделить базовые экономические категории на два уровня (бытие и сущность), отсылая к определению экономических понятий в следующих работах: Аристотель. Никомахова этика; Политика [1]; Менгер К. Основания политической экономии [12] (дата обращения 02.02.2017); Нуреев Р. М. Курс микроэкономики [13]; Роббинс Л. Предмет экономической науки [16]

Метод, который применялся К. Марксом и другими исследователями и который формализован в наших структурно-логических схемах, представляет собой восхождение от абстрактного к конкретному, т. е. путь, на котором осуществляется усвоение окружающей действительности. Мы считаем, что он не потерял своей актуальности и может быть использован для систематизации понятийного аппарата экономической теории. Но существуют границы его применения, связанные с гетерогенностью исследуемых явлений, которые несводимы к единой причине и единому основанию.

Восхождение от абстрактного к конкретному предполагает использование и других дедуктивных методов, таких как математика и символическая (математическая) логика. Каждый из них обладает своими преимуществами, что ставит задачу методологического синтеза. Он присутствует в «Капитале» К. Маркса, и мы можем оценить результаты.

Экономический анализ неотделим от применения количественных методов, которые используются начиная с первой страницы «Капитала». К. Маркс пишет: «Каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т. д. можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества» [11, т. 23, с. 43]. По мнению Маркса, качественные характеристики имманентно присущи вещи: «Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная стоимость, или благо». Соответственно, измерение полезности осуществляется через подсчет потребительных стоимостей: «При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определенность, например дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т. п.».

С позиций материального производства такого рода «бухгалтерский» подход кажется самым собой разумеющимся. Две булочки хлеба в два раза больше одной булочки; два метра ткани в два раза больше одной единицы того же продукта, взятого в его натуральном выражении. Однако полезность, хотя и зависит от материальных свойств вещи, не может быть измерена помимо потребления, той пользы, которую она приносит реальному индивиду¹.

Приведенный пример (см. сноску 1) из области поведенческой экономики показывает различие в способах оценки блага производителем товара и его потребителем. В первом случае мы исходим из позиции классической политэкономии, отождествляющей богатство народов с производимой товарной массой. Задача ее прогрессирующего увеличения решалась в рамках индустриального производства. Но постиндустриальная экономика все более превращается в общество услуг. Потребитель заинтересован не столько в приобретении еще одной вещи, сколько в извлечении пучка полезностей из имеющихся экономических благ [8, с. 232]. Отныне прирост полезности не совпадает с дополнительными метром ткани, булкой хлеба, и т. п. Полезность становится тем, чем она является по своей сути, — услугой, которую потребитель извлекает из вещей или деятельности других индивидов². Место арифметического суммирования благ занимает дифференциальное исчисление предельных полезностей. Классическую политическую экономию сменяет неоклассика.

Подчеркнем: проблема заключается не в том, что К. Маркс не умел применить в экономическом анализе дифференциальное исчисление. Переход к маржинализму, закладывающему основы нового экономического мировоззрения, предполагал завершение промышленной революции, создавшей новые источники энергии, новые формы организации производства, результатом которых стало изобилие товарных благ. До этого рассуждения экономистов-сенсуалистов [20, с. 192–192], иных предшественников предельного анализа не могли стать мейнстримом, формирующим не только теоретические взгляды, но и обыденные представления о благосостоянии отдельных индивидов и общества в целом.

Следующей составляющей методологического синтеза могла стать символическая (ма-

с решением XX съезда КПСС о строительстве основ коммунизма, нарезанный хлеб в столовых можно было брать из вазы по потребности. Мы оба купили борщ, возмещая недостающие калории бесплатным хлебом. В какой-то момент я сказал товарищу:

— Ты ешь 7-й кусочек хлеба.

— Ну и что?

— Еще один съешь?

— Съем!

Эксперимент продолжался до 11-го кусочка, на котором мой товарищ задумался, потом махнул рукой и съел. Когда мы вышли на улицу, он с обидой сказал: «Одиннадцатый был лишний».

¹ Помнится, в начале 60-х гг. прошлого века я с товарищем — таким же студентом, обедал в столовой. В соответствии

² Развитие этих взглядов можно проследить в творчестве Дж. Б. Кларка [21], К. Ланкастера [26] и др. авторов.

тематическая) логика. К. Маркс пользуется символами для обозначения постоянного (c) и переменного (v) капитала, а также прибавочной стоимости (m) и строит с их использованием определенные алгебраические формулы, например, $c + v + m$. Однако построение и применение этой формулы основано на некоторых неочевидных с позиций сегодняшнего дня теоретических предпосылках.

2. Теоретические предпосылки исследования К. Марксом экономического строя капиталистического общества

Капитал, по определению К. Маркса, представляет собой товарное богатство¹. В товар превращается все, включая способность к труду. Постоянный капитал приносит доход, будучи соединенным с трудом (переменным капиталом). В отличие от современной экономической теории, Маркс рассматривает не услуги труда, а товар рабочую силу, которая выступает в качестве механического придатка постоянного капитала. Получается, что купленная рабочая сила попадает в условия «наемного рабства». И хотя данный термин содержит в себе противоречие, его аналоги могут быть найдены в рабочих домах раннего капитализма и на государственных предприятиях тоталитарного общества. Напротив, развитая рыночная экономика основана на активах, т. е. элементах богатства, приносящих дополнительный доход в результате их альтернативного (косвенного) использования. Альтернативы есть у потребителя, производителя и владельца торгуемой на рынке рабочей силы.

К. Маркс не рассматривает товарное богатство как актив. Его цель — анализ всеобщих закономерностей общественного развития, поэтому необходимо абстрагироваться от переходящих, нередко спекулятивных, форм товарно-денежных отношений. Уточним, речь идет не о принципиальном отказе от анализа видимых на поверхности форм обмена, а о поиске за «бытием» (спекуляцией, арбитражными сделками) подлинной «сущности», определяющей глубинные тенденции общественно-экономического развития. Такой подход характерен для классической политической экономии, основанной на континентальной философии. Для ее антипода — аналитической философии — выделение «бытия», «сущности», «материи» представляется бессмысленным. Она иссле-

дует и считает подлинной реальностью лишь доступные эмпирической проверке утверждения (подробнее см.: [2, с. 185–186; 5, с. 74–75]).

В «Капитале» «экономическая общественная формация» рассматривается как переходное состояние (от первичной общественной формации — натурального хозяйства к планомерному, коммунистическому хозяйству). Но К. Маркс всегда и везде ставит во главу угла «специфическую логику специфического предмета». В данном случае он проводит анализ вначале товарного, затем развивающегося на его основе капиталистического производства и только в перспективе — становление планомерной формы хозяйства. В товаре специфическим предметом исследования является меновая стоимость, за которой скрывается сущность, т. е. стоимость. Напомним, что стоимость Маркс рассматривает как общественное отношение, которое находит свое овеществленное воплощение в общественно необходимых затратах частного труда. И если материальным носителем меновой стоимости является потребительная стоимость, то материальным носителем общественного характера труда является конкретный труд, который поддается измерению в форме «простого труда» — исходной предпосылки советских тарифно-квалификационных справочников. Оба материальных носителя (потребительная стоимость и конкретный труд) не являются предметом исследования в «Капитале» К. Маркса. Их измерение в штуках, метрах, часах конкретного труда не имеет непосредственного отношения к политэкономическому анализу. Специфической материальной основой товара и капитала являются материальные производственные отношения². Встает вопрос, в каких единицах измерять данную экономическую материю?

К решению этой проблемы можно приступить с разных сторон.

¹ «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров» [11, т. 23, с. 43].

² Ключевым положением, определяющим позицию Маркса по данному вопросу, является его материалистическое понимание истории: «Общий результат, к которому я пришёл и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания» [11, т. 13, с. 6–7].

Например, в «Капитале» (т. 1, гл. 2 «Процесс обмена») К. Маркс показывает, что экономические отношения должны принять юридическую форму для того, чтобы частные собственники, владельцы товаров могли совершить «общий им обоим волевой акт» [11, т. 23, с. 94]. Материальным носителем юридического соглашения являются упомянутые в первой главе «Капитала» объективные мыслительные формы, которые в данном случае могут быть отождествлены с нормами права. Далее Маркс возвращается к «всеобщей потребительной стоимости» [11, т. 13, с. 34, 36], т. е. способности товара к обмену: «Для владельца вся непосредственная потребительная стоимость товара заключается лишь в том, что он есть носитель меновой стоимости и, следовательно, средство обмена» [11, т. 23, с. 95]. Остается найти материальную единицу ее измерения: «общественное действие всех прочих товаров выделяет один определенный товар, в котором все они выражают свои стоимости. Тем самым натуральная форма этого товара становится общественно признанной формой эквивалента. ...Последний делается деньгами»¹ [11, т. 23, с. 96]. Попробуем рассмотреть, насколько деньги как общественный феномен, а не только их «натуральная форма», могут быть эквивалентом стоимости?

По натуральной форме деньги, например золото, суть потребительная стоимость. Ее особенности детально исследованы в литературе. Хотя они объясняют превращение золота в деньги как универсальное средство обмена, их недостаточно для придания деньгам способности быть эквивалентом стоимости любого товара. Объясняя эту способность с позиций трудовой теории стоимости, можно предположить, что для добывания золота «от человека требуется только самый простой труд», тогда как все остальное делает сама природа, промывая золото в реках [11, т. 13, с. 137–138]. Но отсюда еще далеко до «простого среднего труда», который лежит в основе общественно необходимого рабочего времени. Производство суть косвенный способ достижения целей человеческой жизнедеятельности [11, т. 3, с. 19]. Прямое соизмерение его результатов с физическими затратами рабочего времени не представляется возможным.

¹ Рассуждения К. Маркса лежат в русле поиска единой меры стоимости (ценности), начиная от зерновой стоимости А. Смита и Д. Рикардо и заканчивая поиском «стандартного товара» П. Сраффы и неоклассиков, считавших предельную стоимость денег равной единице (Л. Вальрас, А. Маршалл).

В работе «К критике политической экономии» К. Маркс пишет: «Чтобы измерять меновые стоимости товаров заключающимся в них рабочим временем, нужно свести различные виды труда к лишенному различий, однородному, простому труду, — короче, к труду, который качественно одинаков и различается поэтому лишь количественно» [11, т. 13, с. 16]. Маркс уточняет: «Это сведение представляется абстракцией, однако, это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно. ...Труд, который измеряется таким образом временем, выступает в сущности не как труд различных субъектов, а напротив, различные работающие индивидуумы выступают как простые органы этого труда» [11, т. 13, с. 17].

Представляет интерес обоснование данного тезиса в не опубликованном при жизни К. Маркса «Введении»: «Безразличие к определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивидуумы с лёгкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определённый вид труда является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь, не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою специфическую связь с определённым индивидуумом. Такое состояние в наиболее развитом виде имеет место в самой современной из существующих форм буржуазного общества — в Соединенных Штатах. Таким образом, лишь здесь абстракция категории „труд“, „труд вообще“, труд *sans phrase*, этот исходный пункт современной политической экономии, становится практически истинной» [11, т. 46, ч. 1, с. 41].

Обратим внимание на методологическое сходство выведения категорий «всеобщая потребительная стоимость», которая представляет собой способность любого товара к обмену, и «абстрактный труд» — «определённая производительная затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д.» [11, т. 13, с. 17], способная стать частицей совокупного труда общества.

Всеобщая потребительная стоимость — иное название натуральной формы стоимостного эквивалента (денег). Простой средний труд (производительная затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д.) — натуральная форма выражения общественного характера труда. Та и другая формы складываются исторически. Например, совершенно не имеет значения, пользуемся ли мы ракушками каури,

золотом или бумажными деньгами. Важно, чтобы они были общественно признанным мерилем стоимости, т. е. несли в себе соответствующую экономическую информацию. То же самое можно сказать о простом среднем труде: «Самый характер этого среднего труда различен в разных странах и в разные эпохи культуры, однако он выступает как нечто данное в каждом существующем обществе» [11, т. 13, с. 17], что также превращает его в носителя экономической информации и позволяет единым образом способом измерять товары рабочим временем.

Поскольку стоимость измеряется двояко — через натуральную форму денег и через «простой средний труд», встает вопрос о необходимости подобного удвоения. Для ответа нам придется вернуться к различию между простым и капиталистическим товарным производством. В первом случае измерителем стоимости является сумма денег (всеобщего эквивалента), полученная за проданный товар. Второй случай де-факто возможен только «в самой современной из существующих форм буржуазного общества». Можно ли его применять к простому товарному производству? В рассматриваемой нами системе координат ответ дает гегелевский принцип совпадения логического и исторического, материалистически интерпретированный К. Марксом в афоризме: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» [11, т. 46, ч. 1, с. 42]. Теперь формирование способности к труду может быть рассмотрено не только как естественно выросший процесс, но и как момент капиталистического общественного производства. С этих позиций рабочая сила предстает на рынке как специфический товар, а в процессе ее использования — как переменный капитал. Специфика заключается в том, что всеобщая потребительная стоимость товара рабочая сила формируется и в обращении, как натуральный эквивалент определенной денежной суммы, и в производстве, как совокупность затрат простого среднего труда на создание продуктов прожиточного минимума наемного работника.

Если мы вспомним, что К. Маркс апеллирует к экономике США с середины XIX в., то все вышесказанное нуждается в корректировке с учетом другой вершины экономического развития, которая находится гораздо ближе к нашим дням и, смеем предположить, гораздо глубже осмысленная в экономической литературе. Если теперь специфику «переменного капитала» выразить через капитализацию услуг труда, то денежный эквивалент товара рабочая

сила предстанет в виде капитализации человеческого капитала — актива, которым располагает наемный работник. Но мы анализируем методологию К. Маркса, и критерии оценки результатов его исследования должны быть найдены внутри «Капитала», что не отменяет ее последующего развития в трудах сторонников и оппонентов данного учения, в том числе на конкретных материалах капиталистической и социалистической экономики.

Методологический принцип совпадения логического и исторического в марксизме переработан в принцип единства исторического и логического. Например, изучая становление человека, наряду с анатомическими особенностями его скелета, нужно учитывать всю совокупность материальных факторов: революцию в обмене веществ, связанную с изготовлением орудий; революцию в обмене энергией в результате овладения огнем и формирования новой структуры пищеварительного тракта; революцию в обмене информацией, связанную с формированием членораздельной речи и возникновением лобных долей мозга.

Не меньшее число факторов действует в процессе становления и развития капиталистического товарного производства. Попробуем посмотреть, *как влияют они на кристаллизацию товара рабочая сила; формирование переменного капитала; органическое строение капитала; простое и расширенное воспроизводство общественного капитала.*

3. Критерии проверки: верификация и фальсификация категорий «Капитала»

К историческому процессу формирования товара рабочая сила К. Маркс обращался неоднократно. Яркие страницы представлены в отделе 7 первого тома «Капитала», особенно в гл. 23 «Всеобщий закон капиталистического накопления» и гл. 24 «Так называемое первоначальное накопление». Как отмечено выше, они не могут быть доказательством всеобщего распространения данного явления и, следовательно, измерения стоимости товара рабочая сила через затраты простого среднего труда. Любая развитая экономика является гетерогенной, включающей элементы натурального хозяйства, товарного производства, регулируемого общественного сектора. И, если это так, то Марксова модель функционирования капиталистической экономики нуждается в своей *верификации* и, для определения границ ее применения, *фальсификации* (по К. Попперу).

Предположим, что для тех случаев, которые рассматривались Марксом, товар рабочая

сила верифицирован. Это означает, что мы допускаем для определенных условий действие закона прибавочной стоимости, представленного К. Марксом в виде формулы $c + v + m$. Встает вопрос о судьбе каждой из составных частей приведенной формулы. Наличие прибавочной стоимости (m) предполагает отчасти ее потребление капиталистом, и отчасти, в силу законов конкуренции, накопление в виде дополнительных порций постоянного (c) и переменного (v) капиталов. По мнению Маркса, при этом происходит изменение технического, а следовательно, и стоимостного строения капитала. Доказательством является растущая, вследствие научно-технического прогресса, производительность труда [11, т. 23, с. 618]. «Общественный уровень производительности труда находит себе выражение в относительной величине средств производства, которые рабочий превращает в продукт в течение данного времени при неизменном напряжении рабочей силы. ...Это изменение технического строения капитала, возрастание массы средств производства по сравнению с массой оживляющей их рабочей силы, в свою очередь, отражается в стоимостном строении капитала, в увеличении постоянной составной части капитальной стоимости за счет ее переменной составной части» [11, т. 23, с. 635–636]. К. Маркс понимает, что «развитие производительной силы труда сопровождается частичным обесценением функционирующих капиталов» [11, т. 23, с. 619]. Но в «Капитале» это не влияет на конечные выводы. Если даже обесценение жизненных средств работника происходит с той же скоростью, что и постоянного капитала, то возрастание их массы различно по масштабу. Капиталист ограничивает стоимость рабочей силы минимально необходимой массой жизненных средств, тогда как накопление постоянного капитала не имеет подобных границ. Это называется *ростом органического строения капитала*, из которого вытекает относительное и абсолютное сокращение его доли, идущей на оплату наемного труда, вызывающей явление относительного и абсолютного обнищания пролетариата.

Оценивая эти выводы, вошедшие в противоречие с последующим развитием рыночной экономики, можно сослаться на изменившиеся условия в воспроизводстве рабочей силы за счет опережающего роста человеческого капитала, на отсутствие у К. Маркса методик, позволяющих рассчитать соотношение труда и капитала на основе производственной функции, и т. п. Эти аргументы не относятся к

воспроизведению логики его анализа. Нужно определиться с основаниями, которые побудили Маркса проделать титаническую работу; выявить границы применимости сформулированных им положений и перспективы их использования современными исследователями.

4. Единство методологии, теории и практики: «за» и «против»

Остановимся на двух основных моментах: 1) классовом подходе К. Маркса к анализу экономических явлений; 2) воспроизводственном анализе.

Мы знаем, что в этой области исследования у К. Маркса были предшественники — французские «экономисты» XVIII века, или физиократы. О влиянии физиократов на Маркса известно из его оценки «Экономической таблицы» Ф. Кенэ. Внимательное прочтение трудов Кенэ¹ позволяет нам провести и другие параллели в построении категориального аппарата экономического анализа. Во-первых, это деление общества на три класса. В марксистской политической экономии системообразующую роль играют классы: капиталистов, наемных работников и, с оговоркой, земельных собственников. Кенэ в «земледельческом государстве» также выделяет три класса: производительный («класс фермеров»), земельных собственников, «бесплодный» (ремесленники и торговцы) [20, с. 149–150]. «Взаимоотношения между людьми отныне рассматриваются не под политическим или правовым, а именно экономическим углом зрения, их взаимозависимость отныне скреплена обращением богатства» [20, с. 150]. Во-вторых, Кенэ и Маркса объединяет следование методологическому принципу монизма, в соответствии с которым необходимо найти единый источник «чистого продукта», т. е. создания богатства, и выделить функциональные формы его движения — у Кенэ «прибавления» богатства и распределения. Для физиократов источник богатства — земледелие: «лишь в сельском хозяйстве стоимость проданной продукции превосходит издержки» [20, с. 147]. Аналог в трудовой теории К. Маркса — «переменный капитал». У Кенэ: «Стоимость, добавленная ремесленником, является лишь «стоимостью расхода»: продажная цена здесь равна исходной цене, т. е. цене сырья и тех продуктов, которые он потребил во время процесса

¹ Орэн А. Франсуа Кенэ и физиократия. «Общие принципы экономической политики земледельческого государства» (см. в [20], с. 135–166).

производства» [20, с. 147]¹. Аналог у Маркса — «постоянный капитал». И, наконец, стоимость чистого продукта (у Ф. Кенэ — «прибыль, извлекаемая из земледелия») может быть названа «прибавочной стоимостью» (К. Маркс).

Несмотря на привлечение огромного и разнородного фактического материала, Маркс исследует «чистый капитализм»². Это дает возможность охарактеризовать последний как антагонистическое (непримиримое) противоречие между собственником средств производства (постоянного капитала) и владельцем рабочей силы. Отказ от данного предположения сделал бы «чистый капитализм» частным случаем, уступающим по своей эффективности альтернативной форме хозяйства, основанной на взаимной заинтересованности владельцев факторов производства. Следующим шагом является построение модели «воспроизводства» всего общественного капитала как выражения исторически необходимого единства производительных сил и производственных отношений капиталистического способа производства.

Попытку решения данной задачи К. Маркс предпринял в незавершенном 2-м томе «Капитала» [11, т. 24, Отдел 3. Воспроизводство и обращение всего общественного капитала]. В течение последующих ста с лишним лет у него было много последователей. Мы остановимся на труде Розы Люксембург «Накопление капитала» [10].

Р. Люксембург начинает с базовых понятий. Она пишет: «...с первого взгляда может быть неясно, чем, собственно, понятие воспроизводства отличается от ясного для всех понятия производства, и для чего здесь нужно новое непривычное выражение» [10, с. 5]³.

¹ В другом месте Кенэ говорит: «Продукты труда требуют от тех, кто их изготавливает, расходов и издержек, которые равны по стоимости самим этим продуктам» (цит. по: [20, с. 147]).

² Русские и зарубежные марксисты начала XX в. полностью давали себе отчет в том, что «для выяснения основных законов развития капитализма Маркс концентрирует в «Капитале» внимание именно на капитализме как таковом, на «чистом» капитализме» (см.: Мотылев В. Предисловие к пятому изданию кн. Накопление капитала [10, с. XXXIV]. Та же позиция у О. И. Ананьина [7, с. 116].

³ Понятие воспроизводства имеет ограниченное применение в немарксистской экономической литературе. Ассоциирующиеся с ним рассуждения П. Сраффы получили в русском переводе другую формулировку: «слово «self-replacement» переведено в данной книге как «самозамещение», а не как «воспроизводство», что было сделано во французском издании Сраффы и от чего предостерег переводчика профессор Б. Шефолд» [6].

Далее она обосновывает его необходимость: «Производство не может быть возобновляемо, и воспроизводство не может иметь места, если нет налицо определенных предварительных условий: орудий, сырых материалов и рабочей силы, являющихся результатом предшествующего периода производства» [там же]. Переводя это утверждение в термины первого тома «Капитала», мы должны сказать: возобновление производства требует определенных потребительных стоимостей и конкретного труда. Но это еще ничего не говорит нам об общественном характере труда и производства, т. е. о совокупности исторически определенных производственных отношений.

Распределение технических условий, т. е. средств производства и предметов потребления, зависит от распределения совокупной рабочей силы. В натуральном хозяйстве оно определяется традицией. В планомерном хозяйстве — сознательным общественным регулированием, в товарном — обменом, выражающим соотношение сил частных собственников. Обмен — посредник, определяющий общественно необходимые затраты простого среднего труда. В этих условиях единым измерителем экономической материи остаются деньги, подверженные всем превращениям товарообмена — косвенного способа признания общественного характера труда. Р. Люксембург пишет об этом так: «Пока прибавочная стоимость воплощена в форме товара, она не может быть потреблена капиталистом. После ее производства она должна быть реализована, превращена в чистую форму стоимости, т. е. деньги. Для того, чтобы это имело место и чтобы прибавочная стоимость могла быть присвоена капиталистом в денежной форме, все его капитальные затраты также должны сбросить свою товарную форму и вернуться к нему в денежной форме. Только когда это удалось, тогда, следовательно, вся масса товаров отчуждена по своей стоимости за деньги, цель производства достигнута» [10, с. 11]. Но тогда и «деньги» должны стать частью (моментом воспроизводства) капитала (прим. автора — Е.Д.)!

По нашему мнению, наиболее естественным было бы выделение третьего подразделения общественного производства, продуктом которого являются деньги как особый вид экономической информации. Образно говоря, если мы представим себе на одной стороне весов затраты общественно необходимого труда, на другой — реальные товары, то нужна и стрелка весов, информирующая нас о постоянном изменении в удельном весе того и другого. Однако К.

Маркс относит производство золота (ради простоты все производство денег сводится к производству золота) к первому подразделению общественного производства. «Производство золота, как и вообще производство металлов, относится к классу I, к категории, которая охватывает производство средств производства» (цит. по: [10, с. 59]). Отметим важность этой посылки: если мы откажемся от нее, то или товарная масса не будет реализована в условиях «чистого капитализма», или деньги превратятся в самостоятельный актив, приносящий доход любому потенциальному их обладателю!

Это понимает Р. Люксембург: «После того как ни одна из всех возможных попыток объяснения накопления нам не удалась, после того как нас отсылали от Понтия к Пилату, от А I к В I и от В I к В II, мы таким образом приходим в конце концов к тому самому золото-промышленнику, привлечение которого Маркс в самом начале своего анализа признал „нелепым“. Этим и заканчивается анализ процесса воспроизводства и II том „Капитала“, который так и не дает нам столь долго разыскиваемого решения проблемы» [10, с. 101]. Результатом, по ее мнению, является вывод о невозможности «чистого капитализма» в масштабах всего общества: «Капитализм — первая хозяйственная форма, которая без других хозяйственных форм, как ее среды и питательной почвы, существовать не может; тенденция капитализма превратиться в мировую форму производства разбивается о его имманентную неспособность охватить все мировое производство». Иначе говоря, Р. Люксембург вместо искомого «третьего подразделения» подставляет хозяйственную периферию, простое товарное производство.

Это позволяет сохранить основополагающий тезис о том, что стоимость (в современной экономической литературе говорят «ценность») продукта создается общественно необходимым трудом (производительной затратой человеческих мышц, нервов, мозга и т. д.), а не чеканкой монеты, печатанием бумажных денег, созданием других символических носителей экономической информации. Отсюда вывод: «Капитализм таит в себе историческое противоречие, процесс его накопления является выражением, непрерывным разрешением и в то же самое время усложнением этого противоречия. На определенной высоте развития это противоречие не может быть разрешено иначе, как применением основ социалистического хозяйства, — той формы хозяйства, которая по природе своей является в одно и то

же время мировой формой и гармонической системой, потому что она основана не на накоплении, а на удовлетворении жизненных потребностей трудящегося человечества путем развития всех производительных сил земной поверхности» [10, с. 337–338]. Это будет чистое, непосредственно общественное производство, которое может обойтись без денег, мешающих адекватному выявлению трудовой субстанции продукта¹.

Итак, Роза Люксембург завершает построение основанной на классовом подходе модели капиталистического общественного воспроизводства. Его верификация в форме социалистического, непосредственно общественного, производства обернулась фальсификацией. Следование заявленным в «Капитале» методологическим принципам привело к обнаружению границ применимости концепции «чистого капитализма» и необходимости в альтернативном объяснении экономической жизни общества.

5. Что дальше?

Для марксистов реальной альтернативой капитализму является социализм, в котором стоимостные пропорции определяются соотношением его натуральных составных частей: совокупной рабочей силы и вещественных факторов производства; для сторонников рыночной системы хозяйства альтернативные издержки (альтернативная стоимость) определяют объем привлекаемых факторов производства и потребляемых благ. Соответственно, марксистская теория воспроизводства предполагает «ресурсный» (затратный) подход, тогда как современный (неоинституциональный) экономический анализ ставит во главу угла «активы» как результат альтернативного использования любых экономических благ.

Здесь можно было бы поставить точку, но, на наш взгляд, следует прислушаться к мнению Р.М. Нуреева: «Исторические судьбы марксизма оказались далеко неоднозначными. Чрезвычайная популярность теории, попытка ее сразу и непосредственно применить на практике, к сожалению, сыграла с ней злую шутку и была обращена не во благо человечества. Хочется надеяться, что спокойное, академическое изучение марксизма поможет хотя

¹ К. Маркс говорит о «субстанции стоимости» применительно к нетоварным формам хозяйства: например, «совместный» характер первобытной общины как совокупного организма связанных между собой рабочих сил и, следовательно, их труда, т. е. затраты этих сил» [11, т. 19, с. 391–392].

бы частично реабилитировать его в глазах современников и потомков и использовать его потенциал для решения тех проблем, которые историческое развитие ставит перед человечеством» [14, с. 52].

Развивая эту мысль, можно обнаружить, что в «Капитале» К. Маркса заложены возможности дальнейшего восхождения от абстрактного к конкретному — объяснению экономической действительности с позиций, приближающих нас к современному пониманию сути и форм хозяйственных явлений. Не следует отбрасывать даже внешне тенденциозные высказывания Маркса, например, о господстве товарного фетишизма: «Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства» [11, т. 23, с. 82].

Аналогия — признанный метод научного познания. В религиозном, да и любом другом фетишизме, можно найти рациональное зерно. Сами по себе продукты человеческого сознания, например, библейские заповеди, которые имеют утилитарное значение и стоят в определенных отношениях с людьми и друг с другом, не являются фетишем. Фетишизм начинается с символизации объективных мыслительных форм, их отождествления с предметами культа. То же явление происходит со стоимостными (товарными) формами, отождествляемыми с материальными предметами (потребительными стоимостями). С превращением денег во всеобщий эквивалент предметный мир удваивается: наряду с потребительными стоимостями появляются товарные стоимости как воплощение овеществленного труда. Приобрести последние можно только за деньги.

Любой фетиш является как предметом поклонения, так и институтом, пригодным для использования в организации практической деятельности. Товар рабочая сила, если следовать Марксу, является фетишем. Его распределение, освобождение от стоимостной оболочки осуществляется в производстве. Точно так же в процессе производительного или личного потребления распределчиваются все остальные товары.

Распредмечивание показывает, что последний, «11-й кусочек хлеба» приобретает в глазах потребителя отрицательную полезность. Следовательно, у него нет положительной цены и, с точки зрения рынка, нет необходимости в его производстве. Точно так же с определенного момента каждый последующий час труда может оказаться менее эффективным как по его предельной тягости, так и по производительности, т. е. использованию «постоянного» капитала. Предприниматель вынужден соизмерять рыночную цену услуг труда, а также земли и капитала, с их предельной полезностью. Ресурс становится активом, оцениваемым по предельному доходу. Образно говоря, два плуга в фермерском хозяйстве, где требуется один плуг, не делают это хозяйство богаче. Таким образом, предельный анализ экономических благ становится необходимым следствием господства товарно-денежных отношений, независимо от того, принимают ли они «фетишизированную форму» или анализируются при помощи инструментария неоклассической экономической теории.

Означает ли это, что ресурсный подход, основанный на учете объема применяемых *экономических благ*, безвозвратно уступает место рыночной оценке *используемых активов*?

Оба подхода имеют право на существование. Важно понимать возможности и пределы их использования, в том числе при проведении научных исследований и в преподавании экономических дисциплин. Например, Р. Коуз — основатель неоинституционального направления экономической теории — использовал термин «ресурсы» (*resources*), и это было оправданно, поскольку он сравнивал два способа их распределения: посредством механизма цен и усилиями предпринимателя-координатора [22, р. 392]. Предприниматель-координатор имеет дело с приобретенными ресурсами. Его главная забота — организация производства, при которой минимизируются трансформационные (производственные) издержки. Наоборот, механизм цен отражает капитализацию факторов производства в соответствии с их доходностью. В этом смысле оправдан переход О. Уильямсона на иную терминологию. В его знаменитой работе «Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция» [19] «ресурсы» (*resources*) полностью заменены на «активы» (*asset*) [31, р. 442].

Если вернуться к терминологии «Капитала», можно сказать, что трансформационные (производственные) издержки оцениваются через

затраты ресурсов, которые могут быть сведены к «простому среднему труду». Денежная выручка может существенно отличаться от трансформационных издержек. Она влияет на величину активов как финансового выражения ресурсов. Конечно, такая интерпретация вряд ли совместима с концепциями простого и расширенного воспроизводства с его наперед заданными пропорциями. Но полный отказ от воспроизводственного подхода нам кажется преждевременным. Зависимость между состоянием материально-технической базы и общественной формой производства сохраняется в любом обществе, и она должна быть исследована на новой методологической основе.

Вряд ли эту методологическую роль сегодня может выполнять классовый подход, основанный на отношении различных групп собственников к средствам производства¹. В то же время, если мы обратимся к неоклассике, в ней предельный анализ практически полностью вытеснил экономические и любые другие структуры организации общественного производства. В этом плане представляется актуальным обращение представителей инфрамаргинальной экономики к «модели А. Смита», т. е. анализу разделения труда как структурообразующего фактора хозяйственной жизни общества (см.: [17]).

Англоязычные основоположники инфрамаргинального анализа указывают: «Когда Альфред Маршалл формализовал классическую экономику при помощи математического аппарата в конце 19-го столетия, он не знал инфрамаргинального анализа. Он сделал предположение о дихотомии между чистыми потребителями и решениями фирм ...В пределах неоклассической структуры каждый чистый потребитель должен купить все товары у рынка и не может выбрать уровень самостоятельности или аналога: уровень специализации» [32, р. VII].

Неоклассика пользуется математическими структурами, но они в основном представляют собой систему координат, позволяющую формировать графики, выражающие непрерывные изменения спроса и предложения. Дифференцируемые функции выражают сущность маргинального анализа. Даже в тех случаях, когда практика подсказывает необходимость угловых решений, неоклассический дискурс подавляет анализ экономической

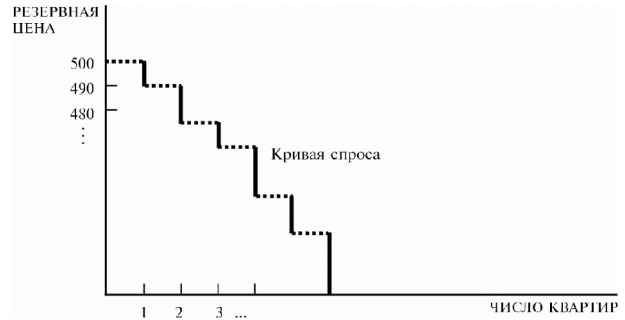

Рис. 3. Кривая спроса на квартиры. По вертикальной оси — рыночные цены, а по горизонтальной — число квартир, снятых по каждой цене

Рис. 4. Кривая спроса на квартиры при наличии большого числа лиц, предъявляющих спрос

структуры хозяйственных явлений. Например, выдающийся американский экономист и автор одного из наиболее распространенных учебников микроэкономики промежуточного уровня Х.Р. Вэриан утверждает: «...При любых попытках объяснения поведения людей необходимо иметь некую структуру, выступающую в качестве основы проводимого анализа» [3, с. 17]. С этим следует согласиться. Структура определяется пространственными факторами, принимающими характер экзогенной и эндогенной переменных. Соответственно, структурируется кривая спроса (рис. 3) [3, с. 19].

Но «поскольку число людей, предъявляющих спрос на квартиры, велико, скачки цен незначительны и кривая спроса характеризуется обычной плавно убывающей формой» [3, с. 20] (рис. 4).

Возразим: если число квартир ограничено, неизбежно должны появиться угловые решения. Таких угловых решений будет столько же, сколько на рынке представлено разных квартир. Это означает, что мы, во-первых, не имеем непрерывных и дифференцируемых кривых спроса и предложения, во-вторых, отказываемся от идеи репрезентативного экономического агента. Каждый агент специфичен. Он действует в логике угловых решений, ведущих к получению экономической ренты

¹ К слову говоря, Э. Райт и другие аналитические марксисты занимаются не экономическим, а социологическим анализом.

от его специализации. Место маржинальных занимают инфрамаржинальные решения, в которых отражены структурные особенности экономической реальности.

Подобного рода экономическим структурам посвящена немалая англоязычная литература (школа австралийского исследователя китайского происхождения З. Йанга) [32; 33; 34]. Работы российских авторов, к сожалению, крайне немногочисленны. Вместе с тем необходимость в системно-структурном подходе к изучению хозяйственной жизни общества остается столь же актуальной, как и во времена К. Маркса. Инфрамаржинальный подход можно рассматривать как одну из предпосылок в изучении экономической структуры постиндустриального общества.

Современное общество часто называют *services society* — общество услуг, среди которых значительное место занимают финансовые услуги, т. е. услуги, влияющие на формирование активов. Институты являются инструментом организации и преобразования данного общества. Их исследование предполагает использование достижений неинституциональной экономической теории.

Это не отменяет воспроизводственный подход к созданию, продвижению и потреблению

товаров в условиях неоиндустриальной революции. Для ее более глубокого понимания следует обратиться к «неоиндустриальной теории самообслуживания» [25]. Главная мысль состоит в том, что основная тенденция развития нашего общества — формирование общества самообслуживания, в котором все больше индустриальных продуктов входит в дом, а услуги (извлечение полезных свойств предметов) становятся функцией пользователя, потребителя данных благ. Почему самостоятельное производство услуг становится относительно более дешевым по сравнению с их покупкой? Прежде всего потому, что это обусловлено повсеместным увеличением как эффективности производства товаров по сравнению с производством услуг (приводя к уменьшениям в относительных ценах товаров), так и эффективности производства товаров длительного пользования для домашних хозяйств [5, с. 10].

Мы сочли необходимым упомянуть об этих, сравнительно новых течениях экономической мысли, чтобы отметить их методологическое единство с предшествующим развитием экономической теории, включая марксистскую политическую экономию. Их более подробное рассмотрение выходит за рамки данной статьи.

Список источников

1. Аристотель. Соч.: в 4-х т. — М.: Мысль, 1984. — Т. 4.
2. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют: пер. с англ. / науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. — 416 с.
3. Вэриан Х. Р. Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход: учебник для вузов: пер. с англ. под ред. Н. Л. Фроловой. — М.: ЮНИТИ, 1997.
4. Голомолзина Н. В., Дятел Е. П. Экономическая структура общества услуг. От Великой депрессии к Великой рецессии // Известия УрГЭУ. — 2014. — № 4.
5. Дятел Е. П. Политическая экономия versus экономикс // Журнал экономической теории. — 2013. — № 2. — С. 74–75.
6. Елисеева И. И., Быков В. В. Предисловие к русскому изданию Пьеро Сраффы «Производство товаров посредством товаров». — М., 1999.
7. История экономических учений: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М.: ИНФРА-М., 2009.
8. Кларк Дж. Б. Распределение дохода. — М.: Экономика, 1992.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 29.
10. Люксембург Р. Накопление капитала. — М.; Л., 1934.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Тт. 3; 13; 19; 20; 23; 24; 46, ч 1.
12. Менгер К. Основания политической экономии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sotsium.ru/> (дата обращения 02.02.2017).
13. Нуреев Р. М. Курс микроэкономики: учебник для вузов. — 2-е изд., изм. — М.: Норма: ИНФРА — М, 2011.
14. Нуреев Р. М. Россия: плюсы и минусы раннего распространения идей марксизма вширь // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). — 2013. — Т. 5. — № 3.
15. Райт Э. Что такое академический марксизм? // Вопросы экономики. — 2007. — № 9.
16. Роббинс Л. Предмет экономической науки // Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. — Зима 1993. — С. 10–23.
17. Петренко Д. С. Инфрамаржинальный анализ. Модель А. Смита // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2015. — № 5.
18. Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. — М., 1999.

19. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. — СПб.: Лениздат, 1996.
20. Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России / под общ. ред. А. Г. Худокормова, А. Лапидюса. — М: ИНФРА-М, 2016.
21. Clark J. B. The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits. The Macmillan Company. — London: Macmillan & Co., Ltd. 1908.
22. Coase R. The Nature of the Firm // *Economica*. — 1937. — Vol. 4. — No. 16, November. — P. 386–405.
23. Consumer demand : a new approach. Yazar: Lancaster, Kelvin. Yayın Bilgileri: New York : Columbia Univ., 1971.
24. Consumer Demand and Characteristics of Consumption Goods. Jack E. Triplett. Chapter in NBER book Household Production and Consumption, Nestor E. Terleckyj, editor. — 1976. — P. 303–324.
25. Gershuny J. Social Innovation and Division of Labor. — Oxford University Press., 1983.
26. Lancaster K. Introduction to Modern Microeconomics. — Chicago, Rand McNally, 1969.
27. Morishima M. Marx's Economics: A Dual Theory of Value and Growth. — Cambridge University press., 1973.
28. Morishima M. Value, Exploitation and Growth, McGraw-Hill, with G. Catephores. — 1978.
29. Okishio N. Technical Change and the Rate of Profit // *Kobe University Economic Review*. — 1961. — No. 7.
30. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. — Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press., 2014.
31. Williamson O. E. The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting. — N.Y., 1985.
32. Yang X., Wai-Man L. Inframarginal Economics Increasing Returns and Inframarginal Economics. — 2001. — Vol. 4.
33. Yang X. Theory of the Firm and Structure of Residual Rights // *Journal of Economic Behavior and Organization*. — 1988. — Vol. 26. — P. 107–128.
34. Yang X. A Microeconomic Approach to Modeling the Division of Labor Based on Increasing Returns to Specialization: Ph.D. Dissertation, Dept. of Economics, Princeton University, 1988.

Информация об авторах

Дятел Евгений Петрович — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина, заведующий кафедрой Экономической теории и экономической политики; профессор кафедры политической экономии, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: dyatel1942@mail.ru).

Dyatel E. P.

Karl Marx: The Frame and Scope of the Class and Reproduction Approaches

Keywords: *ascent from the abstract to the concrete, class and reproduction approach, economic structure, resources, assets, neo-industrial theory of self-service*

The article is devoted to the 150th anniversary of the publication of the 1st volume of "Capital" of Karl Marx. The author considers the methodology and basic theoretical principles of this book. The article shows the possibility to construct a self-consistent system of economic categories based on the idea of the ascent from the abstract to the concrete. The author compares two ways to define a measure of value: one is based on the "general use-value" of money and the other one — on simple average labour. These material objects are the medium of economic information about the organization of social production and exchange. The author raises the question about the methodological boundaries (verification and falsification) of the basic foundations of Marxian economics: labour power as a commodity; constant and variable capital; organic composition of capital; simple and expanded reproduction of the social capital. It has been confirmed that these foundations are applicable solely within the framework of pure capitalism postulates and proportions of social production defined a priori. The author substantiates the necessity for an alternative explanation of economic life, which will take into account the following considerations: moving to a postindustrial society (service society); rejecting a predominantly resource (cost) approach. Moreover, we need the transition to the capitalization of economic assets as elements of commodity wealth, which generate additional income as a result of their alternative. A consumer, a producer and an owner of the workforce may try these alternatives. The author considers the following approaches to be promising directions for further research: neo-institutional approach; infra-marginal economic theory on the analysis of the division of labour as a key factor of economic life; neo-industrial revolution concept, including the neo-industrial theory of self-servicing.